

Н.А. Каленова

nakalyon@rambler.ru

канд. филол. наук, доцент
Волгоградского государственного
архитектурно-строительного университета
Волгоград, Россия

Образ заграницы в письмах С.А. Есенина: языковой аспект

С.А. Есенин, образ, эпистолярный, языковые средства создания образа.

В данной статье предпринята попытка проанализировать специфику образа заграницы, представленного в эпистолярном наследии С.А. Есенина. Автор отмечает, что для создания сложного и многогранного образа, особенностями которого являются малая доля денотативного и преобладание эмотивно-оценочного содержания, знаменитый русский поэт использовал богатый спектр языковых единиц. Особый акцент делается на рассмотрении характера эмотивно-оценочного компонента созданного Есениным образа, который определяется лично ориентированными параметрами, подробно рассмотренными в статье.

Поэт С.А. Есенин – загадочный и до сих пор не до конца изученный микрокосм, в котором как в зеркале отражены эпоха, сильная яркая личность, сама Россия в ее непростые времена [4, 11, 15, 16]. Исследователи разных лет (А.К. Воронский, О.Е. Воронова, А.Н. Задонский, А.Н. Захаров, С.П. Куняев, Н.И. Шубникова-Гусева и др.) по-разному характеризовали творчество поэта, подчеркивая сложность и нелинейность его личности. Так, современник Сергея Есенина Александр Константинович Воронский, отмечая его уникальную одаренность, «каких у нас в России можно счесть по пальцам одной руки», обвиняет его в как будто сознательном подчеркивании своей дисгармоничности, противоречивости, которую «возводит в принцип, культивирует, нарочно оттеняет, старательно показывает. Получается поза, что-то наигранное, кокетство, какое-то переодевание на глазах у читателя. Недаром Есенин говорит о преследовании им «авантюристических целей

в сюжете». Но читатель должен поверить писателю. А когда художник легко, без особых усилий, без внутренней жестокой борьбы, без мучений, без работы над собой, без попытки преодолеть – переходит от одного настроения и системы чувств к другим, противоположным и все это укладывается в одном поэтическом ящике свободно, бок о бок, то – здесь кроется большая опасность для художника» [1: 283]. Нельзя не согласиться с мнением, что «письма Есенина – ценный документальный материал для изучения жизни и творчества поэта» [10: 233], однако это еще и источник изучения его эмоциональной сферы, ведь письмо наиболее приближено к ситуации реального речевого общения.

Личное письмо отличается искренностью, открытостью, эмоциональностью (Т.С. Наумова, О.П. Фесенко, К.В. Фокина и др.). Сам С.А. Есенин признавался: «В словах, особенно письменных, можно сказать лишь очень малое. Письма не иску-

ство и не творчество»¹, однако вдалеке от близких людей письма были единственным способом общения, единственной возможностью поделиться не только информацией о событиях, происходящих в жизни поэта, но и отношением адресанта к описываемым фактам. Изучая эпистолярный С.А. Есенина 1922–1923 гг., ученые пришли к следующему выводу: «Столкнувшись с западной действительностью, нравами буржуазной прессы, с нигилистическим и мещански-обывательским отношением к подлинному искусству, потрясенный духовной нищетой Запада, – Есенин переживает резкий перелом в своих взглядах, а главное, по-иному начинает относиться к тому, что происходит на его родине» [10: 234]. В этот переломный период поэт чрезвычайно эмоционален в письмах: «Родные мои! Хорошие!.. Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом?»². Спектр языковых единиц, используемых автором для выражения своего эмоционального состояния, богат: эмотивно-оценочная лексика и фразеология, разговорно-просторечные единицы, обценная лексика и фразеология (что нуждается в особом исследовании), активно и мастерски задействованы ресурсы синтаксического строя и т.д. Весь этот арсенал направлен на то, чтобы в полной мере репрезентировать отношение к изображаемому. Образ заграницы, созданный в эпистолярной поэме, имеет свою специфику, изучение которой интересно в двух аспектах. С одной стороны, он практически лишен денотативного слоя, а эмотивно-оценочный доминирует. С другой – само наполнение этого эмотивно-оценочного слоя весьма нестатично и зависит от различных обстоятельств. Рассмотрим основные составляющие образа заграницы в восприятии С.А. Есенина и то, какими языковыми средствами он создается.

Наиболее полно образ заграницы отражен в письмах 1922–1923 гг., однако пре-

Сергей Александрович Есенин, 1924 г.

жде всего следует обратиться к посланиям, не относящимся к этому периоду, но раскрывающим некоторые особенности есенинского восприятия пространства и специфику языковой репрезентации этих образов как неких когнитивных структур. В одном из писем читаем: «Как только выпью накопившийся для меня воздух в Москве и Питере – тут же качу обратно к Вам, увидеть и обнять Вас»³. Лексема *воздух* имеет несколько значений: 1. ‘смесь различных необходимых для жизни человека, животных и растений газов (главным образом, азота и кислорода), составляющая земную атмосферу’; ‘то, что существенно, жизненно необходимо’ (перен.); 2. ‘окружающее нас, ничем не занятое пространство над землей; пространство над поверхностью земли как зона действий авиации’; ‘пространство вне помещений, зданий, каких-либо построек’ (разг.); ‘окружающие условия, обстановка’ (перен.). У Есенина есть нечто, что кажется ему необходимым как воздух: «Нужно обязательно проветрить воздух. До того накурено у нас в литературе. В Москве чувствую себя отвратительно. Без-

¹ Письмо М. Горькому, 3 июля 1925 г., Москва (зд. и далее письма цитируются по [3]).

² Письмо А.М. Сахарову, 1 июля 1922 г., Дюссельдорф.

³ Письмо Т.Ю. Табидзе, 20 марта 1920 г., Москва.

людье полное»⁴. Ему словно нечем дышать, и он ищет то место на земле, где почувствует себя счастливым.

Автор письма использует развернутую метафору, что позволяет ярче раскрыть образ современной ему литературы. Ощущение одиночества, отсутствие того пространства, которое можно назвать родным, обостряется именно в периоды душевного кризиса: «Живу я как-то по-бивуачному, без приюта и пристанища», – признается поэт Р.В. Иванову-Разумнику⁵. Семантические структуры лексем *приют* и *пристанище*, как показывает анализ писем и изучение биографических источников, с одной стороны, представляют собой наложение прямого значения и переносного, с другой – наполнены индивидуальными смыслами. Так, Есенин не имел собственного жилья в Москве: «У Есенина не было даже комнаты в коммунальной квартире. Бесприютность тяготила его. Последнее время с ним жили две младшие сестры – приходилось искать приют и им. Его вещи, рукописи, документы находились у случайных лиц. Часто днем он не знал, где сегодня будет ночевать» [17]. Лексемы *приют* (1. ‘действие по знач. глаг.: приютить, приютиться (1)’; 2. а) ‘место, где можно укрыться от кого-л., чего-л., отдохнуть’; б) ‘пристанище, убежище для кого-л., чего-л.’; 3. ‘благотворительное учреждение для одиноких и нуждающихся’) и *пристанище* (1. ‘место, где может пристать судно; бухта, гавань’ (устар.); 2. ‘приют, убежище’ (перен., разг.) – единицы одного синонимического ряда: *жилище, жилье, обиталище, обитель, кров, жительство, местожительство, местонахождение, местопребывание, квартира, постой, гнездо, притон*. Приют и пристанище не только как место для проживания, но и место, где бы человек ощущал любовь, понимание, моральную поддержку, недостижимы для поэта-скитальца, о чем свидетельствуют и эпистолярный и творческий С.А. Есенина.

⁴ Письмо Р.В. Иванову-Разумнику, 6 марта 1922 г., Москва.

⁵ Письмо Р.В. Иванову-Разумнику, 6 марта 1922 г., Москва.

Литературоведы рассматривают мотив скитания в образах ранней поэзии Есенина как один из основных: «Бродяги, нищие, странники, паломники к святым местам – характерные персонажи ранней поэзии С.А. Есенина. Нередко и его лирический герой предстает в облике «одинокого скитальца». Интерес к таким специфическим явлениям русской жизни и русского духа, как бродяжничество и странничество, у Есенина пробудился достаточно рано. Этому способствовали и детские впечатления: он родился и рос в семье с глубокими корнями православной культуры» [13]. Мотив скитания как стремления от чего-то гнетущего, нерадостного к тому, что дает освобождение от гнета и радость, находим и в письмах разных лет, например: «Милый Шура! Извини, голубчик, что так редко тебе пишу, дела, дорогой мой, ненужные и бесполезные дела съели меня с головы до ног. Рад вырваться хоть к черту на кулички от них и не могу»⁶. Обратим внимание на фразеологическую единицу *к черту на кулички* – ‘очень далеко, в самую глушь, в глухие места (уезжать, отправляться)’. В контекстуальном употреблении актуализируется смысловая структура единицы ‘хоть куда-нибудь’, и это отражает общее настроение поэта. Он постоянно стремится в другое пространство, считая, что, возможно, там он будет счастлив. «Сейчас у меня зародилась мысль о вредности путешествий для меня. Я не знаю, что было бы со мной, если б случайно мне пришлось объездить весь земной шар? Конечно, если не пистолет юнкера Шмидта, то, во всяком случае, что-нибудь разрушающее чувство земного диапазона. Уж до того на этой планете тесно и скучно»⁷. Как видим, пространство в восприятии Есенина – важная составляющая его жизни. Оно определяет состояние человека, по крайней мере, влияет на его настроение.

Та или иная географическая точка называется в сознании поэта с личностным эмотивно-оценочным образом, созданным

⁶ Письмо А.В. Ширяевцу, 26 июня 1920 г., Москва.

⁷ Письмо Е.И. Лившиц, 11 августа 1920 г., Минеральные Воды.

на основе впечатлений автора, его переживаний в момент пребывания там. Существует особая система координат, в рамках которой и происходит эмотивно-оценочное наращение образа: «Ужасная Москва где-то далеко и верстами и в памяти. Последние дни были невероятно тяжелы. Сейчас блаженно-сонное состояние и физического и душевного отдыха»⁸. Лексема *ужасная* соотносится своей эмотивностью с сочетанием *невероятно тяжелы*. Подобные соответствия можно найти и в другом отрывке: «Сейчас сижу в вагоне и ровно третий день смотрю из окна на проклятую Самару и не пойму, действительно ли я ощущаю все это или читаю «Мертвые души» с «Ревизором» <...> Еду я, конечно, не без настроения все-таки, даже рад, что плюнул на эту проклятую Москву»⁹. Эмотивно-оценочная лексика позволяет автору точно передать свое эмоциональное состояние. Поэт подавлен, ему одиноко, грустно: «В Москве я себя сейчас чувствую одиноко»¹⁰. Находясь в Батуме, Есенин признается: «Я очень соскучился по Москве, но как подумаю о холоде, прихожу в ужас. А здесь тепло, светло, но не радостно, потому что я не знаю, что со всеми вами»¹¹. Лексемы *одиноко*, *не радостно* вербализуют информацию об эмоциональном состоянии автора письма. Обратим внимание, что в данном отрывке актуализированы два параметра, по которым происходит личностно ориентированное освоение так называемого географического концепта. С одной стороны, это погода / климат. Реализуя этот параметр, автор прибегает к лексической оппозиции: в Москве *холод*, в Батуме *тепло*, *светло*. С другой стороны, это люди, близкие и родные: соскучился по Москве, в Батуме, несмотря на то что там тепло, все равно не радостно, так как адресант не знает, что с его родными. Объективируя свое отношение к Москве и к Батуму, Есенин использует

эмотивную лексику. Обратим внимание на характер эмоций, вербализуемых в эпистолярной: *ужасная, невероятно тяжелы, проклятая, ужас, не радостно*. Автор писем в поисках наиболее адекватных языковых средств для выражения своего состояния останавливается на единицах, имеющих в своей семантической структуре семы отрицательной оценки и эмосемы, объективирующие негативные эмоции. Есенин осознает сам и обозначает причины того или иного эмоционального переживания. Так, Москва *ужасная*, а Самара *проклятая* потому, что Есенин, уставший, истощенный и морально и физически, нуждается в отдыхе, в новом «воздухе», который подпитывает его как человека и поэта. Итак, создание образа, насыщенного эмотивно-оценочно, происходит в личностно ориентированной системе координат по нескольким параметрам, которые могут незначительно трансформироваться.

Проследим, как создается образ заграницы в письмах поэта 1922–1923 гг. Обратимся к экстралингвистическим данным, чтобы представить мотивационную подоплеку анализируемого цикла писем. Как известно из биографических источников, Есенин в 1922 г. получает возможность выехать в Америку и Германию с целью познакомить заграничную публику со своим творчеством [6, 7, 11]. В письмах же мы находим свидетельство его душевных волнений и внутренних, психологических причин заграничных поездок. В самом начале «заграничного» периода 1922–1923 гг. Есенин идеализирует за границу как образ чего-то далекого, лучшей жизни, в чем сам впоследствии признается: «Там, из Москвы, нам казалось, что Европа – это самый обширнейший рынок распространения наших идей в поэзии»¹² или «Раньше подогревало то при всех российских лишениях, что вот, мол, «заграница», а теперь, как увидел, молю Бога не умереть душой и любовью к моему искусству»¹³. В письмах «заграничного периода» Есенин обнаруживает тот же са-

⁸ Письмо В.И. Эрлиху, 26 июля 1925 г., Ростов-на-Дону.

⁹ Письмо А.Б. Мариенгофу, конец апреля – начало мая 1921 г., Самара.

¹⁰ Письмо Е.И. Лившиц, 8 июня 1920 г., Москва.

¹¹ Письмо Г.А. Бениславской, 12 декабря 1924 г., Батум.

¹² Письмо А.Б. Мариенгофу, 9 июля 1922 г., Останде.

¹³ Письмо А.Б. Мариенгофу, 12 ноября 1922 г., Нью-Йорк.

мый лично ориентированный подход к изображению географической точки: «Знаете ли Вы, милостивый государь, Европу? Нет! Вы не знаете Европы. Боже мой, какое впечатление, как бьется сердце... О нет, Вы не знаете Европы! Во-первых, Боже мой, такая гадость однообразия, такая духовная нищета, что блевать хочется. Сердце бьется, бьется самой отчаяннейшей ненавистью, так и чешется, но, к горю моему, один такой ненавистный мне в этом случае, но прекрасный поэт Эрдман сказал, что почесать его нечем. Почему нечем, РАЗЗ-эт-твою, я готов просунуть для этой цели в горло сапожную щетку, но рот мой мал, и горло мое узко. Да, прав он, этот проклятый Эрдман, передай ему за это тысячу поцелуев и скажи, что у такого юноши, как я, недавно оторвался маятник от циферблата живота. Часовой механизм попортился»¹⁴. С.А. Есенин, перефразируя вначале строки из «Майской ночи, или Утопленницы» Н.В. Гоголя, а затем поэтические строки Н.Р. Эрдмана, очень эмоционально делится своими впечатлениями о Европе. Обратим внимание на эмотивные единицы: междометную фразеологическую единицу *Боже мой!* ('выражение восхищения, тревоги, огорчения и т.п.' (разг., экспресс.)), повторяющуюся в тексте письма неоднократно; эмотивную вводную фразеологизированную единицу *к горю моему*; эмотивно-оценочные лексемы и метафорические сочетания *гадость однообразия*, *духовная нищета*; единицы, имеющие в семантической структуре семы, вербализующие негативные оценки и эмоции; стилистически маркированную эмотивную фразеологическую единицу *что блевать хочется* и т.д. Место, в котором пребывает или побывал Есенин, оценивается им в лично ориентированной системе координат, включающей такие параметры, как эмоции, которые он испытывает там, и творческое вдохновение, которое либо появляется, либо не появляется. Эти взаимосвязанные параметры определяют характеристику любой географической точки, описываемой Есени-

ным: «Здесь скучно дьявольски», – пишет он И.И. Шнейдеру¹⁵. Личность поэта не развивается, поэтическое начало не встречает отклика в окружающих, не находит признания поэтический гений поэта. Позволим себе привести объемную цитату, демонстрирующую отражение этой системы координат: «Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом? Кроме фокстрота, здесь почти ничего нет. Здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Человека я пока еще не встречал и не знаю, где им пахнет. В страшной моде господин доллар, на искусство начхать – самое высшее музик-холл. Я даже книг не захотел издавать здесь, несмотря на дешевизну бумаги и переводов. Никому здесь это не нужно <...> Здесь все выглажено, вылизано и причесано так же почти, как голова Мариенгофа. Птички какают с разрешения и сидят, где им позволено. Ну, куда же нам с такой непристойной поэзией? Это, знаете ли, невежливо так же, как коммунизм. Порой мне хочется послать все это к <...> матери и наострить лыжи обратно. Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину <...> Конечно, кой-где нас знают, кой-где есть стихи переведенные, мои и Толькины, но на кой <...> все это, когда их никто не читает»¹⁶. Сергей Есенин использует в данном письме обценную лексику и фразеологию (опущенную нами в цитате) в попытке передать свое эмоциональное отношение. «Ужаснейшее царство мещанства» вызывает у поэта бурю негативных эмоций, вербализуемых, как уже было отмечено, обценной лексикой и фразеологией, лексемой *ужаснейший*, в семантической структуре которой лексикографически зафиксирована эмотивность, стилистически маркированными лексемами *жрут* и *пьют* и т.д. Порядок и чистота, которые, казалось бы, должны оцениваться положительно, воспринимают-

¹⁴ Письмо А.Б. Мариенгофу, не ранее 20 июля – не позднее начала августа 1922 г., Париж.

¹⁵ Письмо И.И. Шнейдеру, 13 июля 1922 г., Брюссель.

¹⁶ Письмо А.М. Сахарову, 1 июля 1922 г., Дюссельдорф.

ся Есениным в его системе координат как проявление бездушия, не-творческого начала, противного его «непристойной поэзии», в которой «есть душа».

Разочарование в тех надеждах и том образе, который создал для себя Есенин, оттеняет его отношение к России как родине. «Милый мой, самый близкий, родной и хороший, так хочется мне отсюда, из этой кошмарной Европы, обратно в Россию, к прежнему молодому нашему хулиганству и всему нашему задору. Здесь такая тоска, такая бездарнейшая «северянинщина» жизни, что просто хочется послать это все к этой матери <...> Там, из Москвы, нам казалось, что Европа – это самый обширнейший рынок распространения наших идей в поэзии, а теперь отсюда я вижу: Боже мой! до чего прекрасна и богата Россия в этом смысле. Кажется, нет такой страны еще и быть не может. Со стороны внешних впечатлений после нашей разрухи здесь все прибрано и выглажено под утюг. На первых порах особенно твоему взору это понравилось бы, а потом, думаю, и ты бы стал хлопать себя по колену и скулить, как собака»¹⁷. Нетрудно заметить, что поэт стремится не в Россию как страну, а в свои воспоминания, «к прежнему молодому нашему хулиганству и всему нашему задору», так как в момент написания письма «здесь такая тоска». Россия как некий образ в сознании автора писем наделяется положительным эмотивно-оценочным содержанием. Образ создается антонимичными оппозициями: *кошмарная Европа* противопоставлена *прекрасной России*. Подчеркнем, что Есенин верен своей системе координат, в данном письме актуализирован важнейший ее параметр: «обширнейший рынок распространения наших идей в поэзии». Европа как некое место, некий образ, от которого Есенин ожидал принятия и развития творческих идей нового, возглавляемого им поэтического направления, не оправдала надежд. Свое эмоциональное состояние автор объективирует номинирующей эмоцией лексемой *тоска*, метафорическим сочетанием *бездарнейшая «северянинщина» жизни*, с оценочным

суффиксом *-ейш-*, завершает высказывание бранно-просторечная собственно эмотивная фразеологическая единица *послать к этой матери*, употребляющаяся при выражении недовольства, при стремлении отделаться от кого- или чего-либо. Эмотивная фразеологическая единица не только объективирует эмоционально-оценочное состояние адресанта, но и призвана выполнить прагматическую функцию, вызвав соответствующие эмоции у адресата. Созвучны по эмотивному наполнению и другие письма А.Б. Мариенгофу: «Милый мой Толя! Как рад я, что ты не со мной здесь в Америке, не в этом отвратительнейшем Нью-Йорке. Было бы так плохо, что хоть повеситься. Изадора прекраснейшая женщина, но врет не хуже Ваньки. Все ее банки и замки, о которых она пела нам в России, – вздор. Сидим без копейки, ждем, когда соберем на дорогу, и обратно в Москву. Лучше всего, что я видел в этом мире, это все-таки Москва. В чикагские «сто тысяч улиц» можно загонять только свиней. На то там, вероятно, и лучшая бойня в мире. О себе скажу (хотя ты все думаешь, что я говорю для потомства), что я впрямь не знаю, как быть и чем жить теперь. Раньше подогревало то при всех российских лишениях, что вот, мол, «заграница», а теперь, как увидел, молю Бога не умереть душой и любовью к моему искусству. Никому оно не нужно, значение его для всех, как значение Изы Кремер, только с тою разницей, что Иза Кремер жить может на свое <пение>, а тут хоть помирай с голоду. Я понимаю теперь, очень понимаю кричащих о производственном искусстве. В этом есть отход от ненужного. И правда, на кой черт людям нужна эта душа, которую у нас в России на пуды меряют. Совершенно лишняя штука эта душа, всегда в валенках, с грязными волосами и бородой Аксенова. С грустью, с испугом, но я уже начинаю учиться говорить себе: застегни, Есенин, свою душу, это так же неприятно, как расстегнутые брюки. Милый Толя. Если б ты знал, как вообще грустно, то не думал бы, что я забыл тебя, и не сомневался, как в письме к Ветлугину, в моей любви к тебе. Каждый день, каждый час, и ложась спать, и вставая, я говорю:

¹⁷ Письмо А.Б. Мариенгофу, 9 июля 1922 г., Останде.

сейчас Мариенгоф в магазине, сейчас пришел домой, вот приехал Гришка, вот Кроткие, вот Сашка, и т.д. и т.д. В голове у меня одна Москва и Москва. Даже стыдно, что так по-чеховски»¹⁸. Несмотря на то что одно из них написано 9 июля 1922 г., а другое – 12 ноября 1922 г., в них как будто развивается одна мысль, адресант словно в одном настроении пишет оба письма. Лексемы *отвратительнейший, плохо, с грустью, с испугом, грустно*, фразеологические единицы *хоть повеситься, хоть помирай с голоду*. Близкий друг Анатолий Мариенгоф был способен, по мнению Есенина, не только понять его душевные переживания, но проникнуться тем же эмоциональным настроением, что и он. Есенин использует те средства для создания образа, которые, на его взгляд, наиболее эффективны в общении с данным адресатом.

Образ заграницы, созданный Есениным в его сознании и объективированный в письмах 1922–1923 гг., как обнаруживается в посланиях последующих лет, не статичен. В 1925 г. поэт сообщает Чагину о том, что находится в больнице: «Пишу тебе из больницы, опять лег. Зачем – не знаю <...> Все это нужно мне, может быть, только для того, чтобы избавиться кой от каких скандалов»¹⁹, а затем признается: «Избавлюсь, улажу, пошлю всех в кем и, вероятно, махну за границу. Там и мертвые львы красивей, чем наши живые медицинские собаки»²⁰. Уточним, что скандал, о котором упоминает Сергей Александрович, – инцидент, произошедший в вагоне поезда в сентябре 1925 г.: «Возвращаясь из Баку, Есенин в нетрезвом состоянии оскорбил дипкурьера А. Рога, и тот подал на поэта в суд» [З: 229]. Обратим внимание, что автор создает идеализированный, положительный эмотивно-оценочный образ заграницы. Лексема с суффиксом сравнительной степени *красивей* не случайна, Есенин постоянно сравнивает Россию с другими странами. Можно сказать, что это способ создания «географического образа»,

в котором часто присутствуют характеристики по результатам сравнения. Смена характеристик образа (в данном случае образа заграницы) произошла из-за смены параметров, определяющих эмотивно-оценочную систему координат. Теперь важным становится мастерство врачей, так как Есенин в то время нуждается в квалифицированной медицинской помощи. Итак, эмотивно-оценочное наращение образа определяется теми или иными параметрами, которые могут меняться в зависимости от разных условий, но всегда лично ориентированы.

Из заграницы Есенин рвется на родину, но что для него родина? Он бежит в Москву, но и Москва – это лишь несколько человек, по которым он скучает: «Привет Мартыну, Клопикову, Ваньке, Сашке и Гришкиной милашке. Скучаю смертно. Эмилям кротким тоже передай привет. Извини, голубчик, это вся моя Москва. Включая Жоржа и его рыжую, которым шлю горячий поцелуй. Больше и кланяться некому, а если бы и было, то все равно шляпы не сниму»²¹. Перечисляя имена, составляющие для него понятие *Москва*, Есенин использует прозвища, известные только узкому кругу людей, уменьшительно-ласкательные суффиксы онимов, что подчеркивает интимность коммуникации. Находясь вдалеке от Москвы, поэт объективирует ее образ, который обусловлен одним лишь параметром: отношением к родным, близким людям, по которым он соскучился, причем это отношение к ним проявилось в период долгого отсутствия поэта, иными словами, разлука с этими людьми позволила Есенину ощутить свое к ним отношение. Одиночество, от которого бежит поэт, будто преследует его повсюду: «Господи! даже повеситься можно от такого одиночества!»²². С.А. Есенин не чувствует себя родным нигде: «Сандро, Сандро! Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, вспомню, что там ждет меня, так и воз-

¹⁸ Письмо А.Б. Мариенгофу, 12 ноября 1922 г., Нью-Йорк.

¹⁹ Письмо П.И. Чагину, 27 ноября 1925 г., Москва.

²⁰ Письмо П.И. Чагину, 27 ноября 1925 г., Москва.

²¹ Письмо А.Б. Мариенгофу, вторая половина апреля 1923 г., Париж.

²² Письмо А.Б. Мариенгофу, вторая половина апреля 1923 г., Париж.

вращаться не хочется. Если б я был один, если б не было сестер, то плюнул бы на все и уехал бы в Африку или еще куда-нибудь»²³. Неоднократное повторение лексем *тоска*, *одиночество*, номинирующих эмоции, создает общую эмотивность текста письма. И это ощущение одиночества, какой-то неприкаянности особенно ясно звучит в письмах «заграничного периода».

Образ заграничного, созданный в эпистолярной Эсенина, – сложное образование, практически лишенное денотативной составляющей,

т.е. Эсенин не ставил своей целью описать географические признаки того или иного заграничного города или какой-либо посещаемой страны. Используя разнообразные языковые средства, он создает эмотивно-насыщенный образ, обусловленный личностно ориентированными параметрами. Ему важно поделиться с адресатами своим отношением к месту, где он находится. Эсенин активно использует эмотивно-оценочную лексику и фразеологию, вербализующие негативные эмоции. Анализ эпистолярного наследия великого поэта – перспективный путь исследования не только языковой личности С.А. Эсенина, но и образной картины того времени.

²³ Письмо А.Б. Кусикову, 7 февраля 1923 г., Атлантический океан.

Литература

1. Воронский А. Литературные силуэты. Сергей Эсенин // Красная новь. 1924. № 1.
2. Воронова О.Е. Духовный путь Эсенина: Религиозно-философские и эстетические искания. Рязань, 1997.
3. Эсенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. М., 1995–2002. Т. 6. Письма.
4. Эсенин и мировая культура // Материалы Международной научной конференции, посвященной 112-летию со дня рождения С.А. Эсенина. ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, РГУ им. С.А. Эсенина. Москва – Константиново – Рязань, 2008.
5. Эсенин С.А. и православие // Сборник статей о творчестве С.А. Эсенина / Сост. В.А. Алексеев. М., 2011.
6. Громов А. Сказание о Сергее. М., 2010.
7. Задонский Н.А. Интересные современники. Любопытная старина. Исторические и литературные этюды. Воронеж, 1975.
8. Захаров А.Н. «Прекрасна земля и на ней человек» (К 90-летию со дня рождения С.А. Эсенина) // Библиокаркарь. 1985. № 9.
9. Захаров А.Н. Художественно-философский мир Сергея Эсенина: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002.
10. Захаров А.Н., Кошечкин С.П., Куныев С.П., Маквеев Г., Паркаев Ю.А., Прокушев Ю.Л., Савченко Т.К., Скороходов М.В., Субботин С.И., Шубникова-Гусева Н.И., Юсов Н.Г. Комментарии // Эсенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. М., 1995–2002. Т. 6. Письма.
11. Куныев Ст., Куныев С. Сергей Эсенин. М., 2010.
12. Лекманов О.А., Свердлов М.М. Сергей Эсенин в 1916 г. // Русская антропологическая школа. Труды. М., 2007. Вып. 4/1.
13. Сафронов А. Художественная концепция русского странничества в творчестве С.А. Эсенина и С.В. Максимова // www.esenins.ru/c34.html.
14. Сергей Эсенин в стихах и жизни: Письма. Документы. М., 1995.
15. Поэтика и проблематика творчества С.А. Эсенина в контексте Эсенинской энциклопедии // Материалы Международной научной конференции, посвященной 113-летию со дня рождения С.А. Эсенина. Москва – Константиново – Рязань, 2009.
16. Проблемы научной биографии С.А. Эсенина: Сборник трудов по материалам Международной научной конференции, посвященной 114-летию со дня рождения С.А. Эсенина. Рязань, 2010.
17. Хлысталов Э. Тайна гостиницы «Англетер» // Хронос, 2002. www.hrono.ru/statii/2002/esenin_hly.php.

N.A. Kalyonova

THE IMAGE OF ABROAD IN THE LETTERS OF S.A. ESEENIN: THE LINGUISTIC ASPECT

S.A. Esenin, image, epistolary, language tools to create the image.

The article analyzes the specifics of the image of abroad, which is represented in the epistolary heritage of S.A. Esenin. A rich variety of linguistic units is used to create the most complex image which special feature is a small part of denotative content and the dominance of emotive-appraisal one. The feature of the emotive-appraisal component created by Esenin is defined through the personal-focused parameters, which are discussed in detail in the article.